

Е. Э. ЛИПШИЦ

К ВОПРОСУ О ГОРОДЕ В ВИЗАНТИИ В VIII—IX вв.

Вопрос о византийском городе VIII—IX вв., о ремесленном производстве и торговле в Византии этого времени не разработан в буржуазной историографии. Почти полное отсутствие источников приводило к тому, что даже при характеристике хода развития общественно-экономических отношений в Византии VIII—IX вв. вопрос этот обычно просто снимался буржуазными исследователями. Вследствие этого создается, однако, искаженное представление об общественно-экономическом процессе, утрачивающем одно из своих важных звеньев.

Вместе с тем при всей скудости сведений, имеющихся о византийском городе, сопоставление археологического и нумизматического материала с данными памятников письменности позволяет бросить некоторый свет на эту неясную и темную картину и выделить в ней некоторые, хотя бы лишь контурные линии. Нисколько не претендуя на окончательное решение этого вовсе не разработанного и, по существу, даже не поставленного вопроса, мы в настоящей статье сводим воедино наличные материалы. Со временем, быть может, число их можно будет еще несколько дополнить за счет археологических исследований и новых публикаций источников.

Сборник уставов константинопольских цехов X в., так называемая „Книга Эпарха“,¹ характеризующая несколько более позднее время, чем то, которое рассматривается в настоящей статье, свидетельствует о наличии в Константинополе, повидимому, издавна налаженного, высоко развитого и дифференцированного по специальностям ремесленного производства и торговли. Данные этого законодательного памятника подтверждаются и другими источниками: историческими трудами, агнографией и „Василиками“.² Согласно этим данным, в производстве и торговле шелком, например, имело место разделение труда между множеством профессий: в Константинополе жили и трудились мастера, обрабатывавшие шелк-сырец (катартарии), мастера шелковых тканей (сирикарии), красильщики пурпурных тканей, торговцы шелком-сырцом (метаксопраты), торговцы шелковыми одеждами (вестиопраты), торговцы сирийскими шелками и т. д.³

¹ J. Nicole. *Le livre du préfet*, Genève, 1893; М. Я. Сюзюмов. *Книга Эпарха. Уставы византийских цехов X в.*, Свердловск, 1949.

² K. Heimbach. *Basilicorum libri LX*, Leipzig, 1833—1870 (далее: Basil.) 1.53 (tit. VII) о виноторговцах; 1. 23 (tit. 4) об аргинопратах (ср. Nov. Just., CXXXVI, l. II, tit. I, 25, 27 (ср. Dig., l. 12 tit. I, 50) и др.

³ М. Я. Сюзюмов. *Ук. соч.*, стр. 55, 61 и сл.

С другой стороны, известно, что в Византии еще в VI—VII вв. было создано местное производство шелка.¹

Сравнение этих данных заставляет нас поставить вопрос о том, в какой мере сохранялось это и другие ремесленные производства в Византии VIII—IX вв. В то же время необходимо рассмотреть и другие вопросы, а именно, были ли сосредоточены мастерские в одном только Константинополе? Каково было положение провинциальных городов? Какова была степень отделения ремесла от сельского хозяйства? Какова была роль Византии в международной торговле в рассматриваемое время?

Посильный ответ на эти вопросы содержит предлагаемая статья. Несмотря на то, что торговля, подобно ростовщичеству, не создает данный способ производства, а лишь эксплуатирует его, для удобства изложения нам придется начать с нее. Тем более, что в рассматриваемое время ремесло еще было тесно связано с торговлей и потому самый материал не всегда позволяет отрывать одно от другого.

К VIII—IX вв., после потери Египта, Сирии и Палестины, экономические связи Византии в международном масштабе существенно изменились. Византия лишилась не только районов, богатых продуктами местного ремесленного и сельскохозяйственного производства, снабжавших столицу хлебом и ремесленной продукцией, она потеряла также многочисленные и важные пункты транзитной торговли, расположенные в этих восточных провинциях. Территориальные потери значительно сузили (хотя и не уничтожили вовсе) возможность сношений со странами Средней и Восточной Азии.

Однако в VIII и особенно в IX в. утраченные были связи с Востоком стали налаживаться вновь. Так, обращает на себя внимание тот факт, что в период перемирий с халифатом купцам обоих государств было разрешено беспрепятственно торговать как на территории халифата, так и в пределах византийского государства. Например, из житийной повести о шестидесяти иерусалимских святых, пострадавших от арабов в 724 г. (она была написана во второй четверти VIII столетия на сирийском языке, а затем переведена на греческий),² мы узнаем, что Лев III в 717 г. заключил с арабами семилетнее перемирие с тем, чтобы „купцам обоих государств и областей было разрешено сноситься между собой беспрепятственно и невреждимо“³

Торговля с халифатом была настолько развита, что в начале IX в. император Лев V Армянин (813—820 гг.) должен был издать специальное запрещение (*edictum*) своим подданным „посещать Сирию и Египет“.⁴ О том же императоре (Леве V) Скилица-Кедрин сообщает, что он послал в подарок некоему Филомилию (монаху, предсказавшему его воцарение) *καὶ σκεῦῃ ἀργυρᾷ καὶ χρύσεια καὶ εἶδε εὐωδῆ τῶν εἰς ἡμᾶς ἐξ Ἰνδίας κομιζομένων*, т. е. „серебряные и золотые сосуды и ароматы, такие же, какие прибывают к нам из Индии“.⁵

¹ Ср. Н. В. Пигулевская. Византийская дипломатия и торговля шелком. „Византийский Временник“, т. I, 1947, стр. 189 и сл. Ср. ее же. Византия на путях в Индию, М.—Л., 1951, стр. 83 и сл.

² А. И. Пападопуло-Керамевс. „Православный Палестинский сборник“ т. XXXIV, 1892, стр. 1—7 [по Cod. Coisl. 303 (X в.)]. См. X. М. Лопарев. Греческие жития святых, Пгт., 1914, стр. 374.

³ X. Лопарев. Ук. соч., стр. 410.

⁴ F. Dölger. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565—1453, Bd. I, 1925, S. 49, под „?“ годом трактует этот запрет как торговый бойкот (*Handelsboykott*) против арабов. Перечень источников см. у Дельгера (ук. соч.); ср. Cod. Iust., XI, 2; IX, 33, 4 и др.

⁵ J. P. Migne. Patrologia graeca (далее: Migne. PG), t. 121, col. 937.

О товарах, привозимых в Константинополь из Сирии, шелковых тканях (*πράνδια*), шелковой одежде, одежде из других тканей, благовониях, красителях, узорчатых скатертях (*ἐδωφόρια*), шерстяных плащах, каких-то багдадских изделиях, может быть, коврах¹ упоминается в нескольких статьях знаменитой „Книги Эпарха“.² Этот же источник (X, 2) рассказывает, что халды и жители Трапезунда привозили в Константинополь благовония.

Тем не менее все же с VII в. и в особенности с VIII в. центр тяжести византийской торговли явно переместился на европейскую территорию, где начали завязываться и быстро окрепли новые связи со славянскими государствами севера Балкан и северо-востока Европы. Та же „Книга Эпарха“ (IX, 1) разрешает отониопратам или митанам „беспрепятственную закупку льняных изделий из-за Стримона, или из-за Черного моря или Керазунта или из какой-либо другой страны“. Далее там же упоминается, что болгарские и иные купцы привозили в Константинополь льняные ткани и мед (IX, 6).

Наряду с Константинополем и Фессалоникой, Фивами и Коринфом появились некоторые другие городские торговые пункты, связывавшие Византию с придунайской Болгарией и более отдаленной Моравией.

В VIII—IX вв. сохранялась старая римская дорога, которая вела из Константинополя в Адрианополь и далее вдоль долины Марицы к Софии (Сардике). Как отметил К. Иречек,³ путь этот и в XIX в. обычно именовался еще „царской дорогой“ — и это название представляло собой явный перевод греческого термина *βασιλική στράτα*.⁴ Другая дорога ответвлялась от нее в Адрианополе, пересекала долину р. Тунды (Тунж), Ямбол (Ямполь) и Балканы и проходила в восточную часть придунайской Болгарии, заканчиваясь в Шумне. В районе между Ямболом и Шумной эта линия торговых связей перекрещивалась с другой — восточной, связывавшей города западного побережья Черного моря (Варну, Месемврию и др.) с северной частью Балканского полуострова.

Среди городских центров, лежавших на этих путях, многие восходили к античной или еще более древней эпохе. Другие возникли впервые в средние века — Верия (Стара-Загора), Сливна, Ямполь (древнеболгарское Дабилано) и некоторые другие пункты в долине Тунжа.⁵

Помимо того, источниками, относящимися, правда, к несколько более позднему времени, засвидетельствовано существование торговых связей Верии (в Загорье) и Филиппополя (Пловдива),⁶ расположенных

¹ Е. Чернусов. Римские и византийские цеки. ЖМНП, 1914, №9, стр. 165 и сл.

² „Книга Эпарха“, V, 1, 2, 4, 5. Ср. также соображения по вопросу о пребывании сирийских купцов в Константинополе у М. Я. Сюзюмова „Книга Эпарха“, стр. 59—60. Там же указана важнейшая литература по этому вопросу. Для более раннего периода см. Н. В. Пигулевская. Ук. соч., стр. 184—212.

³ K. Jireček. Die Heerstrasse von Belgrad nach Konstantinopel, Prag, 1877, S. 83; ср. K. Dieterich. Zur Kulturgeographie und Kulturgeschichte des byzantinischen Balkanhandels, „Byzantinische Zeitschrift“, XXXI, 1931, S. 42.

⁴ Римская *via Egnatia*. Местное греческое население называет ее *φάρδος* или *μεγάλο δρόμο* — см. O. Tafrali. Topographie de Thessalonique, Paris, 1913, p. 21. Изучению торговых и стратегических путей на Балканском полуострове в средние века посвящены исследования ряда славянских ученых. См., например, K. Jireček. Die Handelstrassen und Bergwerke von Serbien und Bosnien, „Spomenici srpski“, Belgrad, 1892, I. Iagič, в „Archiv für slavische Philologie“, Bd. 35. На основе этих работ написана цитированная выше статья К. Дитериха.

⁵ В источниках, однако, Верия, Сливна, Ямполь упоминаются лишь с X—XI вв. K. Dieterich. Ук. соч.

⁶ Анна Сомпена. Alexias, XIV, 8, Bonn, 1878, vol. II, p. 206.

в районе верхнего течения Марицы (по-гречески Хеброс),¹ со среднедунайской Болгарией (Ловеч, Ловч) и долиной Янтры.

Время возникновения всех этих городских центров пока, до проведения систематических археологических исследований на территории Болгарии, остается невыясненным. Однако есть основания полагать, что часть из них существовала уже и в рассматриваемую эпоху.

На факт существования торговых связей Византии с Западной Европой и Северной Африкой имеются прямые указания в актах VII Никейского собора 787 г., где мы читаем: „А ты ревнитель зла... убил там женщин, тогда как тут находились торговцы из Рима, Франции, Вандилии, Мавритании, Готии, словом, из всех внутренних стран запада“.²

О том же свидетельствуют отдельные указания в хронике Феофана³ и в „Книге Эпарха“ (XII, 4).⁴ Вместе с тем в рассматриваемое время стали вновь налаживаться прерванные было связи с Северным Причерноморьем и с Русью; русский флот, спускаясь по Днепру, доходил по морю до самого Константинополя.

Клады в Малой Перешепине, Новых Санджарах на Полтавщине, в Нескрибовке близ Днепропетровска, на Келегейских хуторах на нижнем Днестре свидетельствуют о наличии торговых связей Византии с Северным Причерноморьем в VII в. Последние монеты в составе Перешепинского клада, найденного в 1912 г., доходят до 641—668 гг. Однако хорошо известный факт ссылки императора Юстиниана II в Херсонес в конце VII и начале VIII в. дает основание предполагать наличие каких-то связей и в более позднее время.

С другой стороны, византийскими и арабскими источниками засвидетельствовано большое торговое значение Понта, Пафлагонии, Трапезунда и Амастриды; припонтийские города вели торговлю морем с Иберией и Кавказом, Херсоном и Русью. Так, Константин Багрянородный⁵ писал: „крепость Адрануцин (в Иберии. — Е. Л.) очень велика и имеет *ραμάτιν*, равный по величине целому поселению (*ὡς χωρόπολιν*). Товары (*αἱ πράγματα*) из Трапезунда,⁶ Иберии, Абазии, всей Армении и Сирии прибывают туда, и город получает безграничные таможенные пошлины от этих товаров (*χομέρκιον ἐκ τῶν τοιούτων πραγμάτων ἄπειρον*)“.⁷ И далее, Константин отмечает, что „когда херсонесцы не ездят в Романию (т. е. в Византию. — Е. Л.) и не продают там мехов и воска (*τὰ βαρσάρια καὶ τὰ κηρία*), которые они покупают у печенегов, они не могут жить... Когда они не привозят хлеба из Амиса, Пафлагонии, из фемы

¹ Георгий Акрополит указ вает, что Хеброс „на народном языке“ назывался Марица. См. *Georgii Acropolitae opera. Lipsiae. 1903.* Там же содержатся важные сведения о славянских поселениях в этом районе.

² Деяния вселенских соборов, т. VII, 1873, стр. 37.

³ Ср. важное сообщение Феофана о торговле рабами за Абидосом (*Theophrastis Chronographia*, ed. C. de Boor, v. I, p. 487, г. 810): *καὶ τοὺς ὠνησαμένους ἔσω τῆς Ἀβύδου σωματὰ σιχτάκᾳ*. Для VII в. ср. сообщение Феофана о том, что Константин III мылся в бане галльским мылом (*ὡς δὲ ἤρξατο γαλλικῶν σμήχεσθαι* — *Theoph. Chron.*, p. 351 (668 г.)).

⁴ Ср. Е. Черноусов. Ук. соч., стр. 106 и М. Я. Сюзюмов. Ук. соч., стр. 86.

⁵ *Constantini Porphyrogeniti. De administrando imperio*, ed. Bonn., 1840, cap. 46, p. 207.23—208.6.

⁶ Там же, гл. 53. О значении Трапезунда сообщает и арабский писатель Аль Масуди, указывающий, что морем Трапезунд поддерживал сношения с Кавказом и Русью. См. П. В. Безобразов. Трапезунд. Его святыни и древности, Пгтр., 1916, стр. 17.

⁷ Ср. также *Menandri fr.* у C. Müller. *Fragmenta historicorum graecorum*, t. IV, p. 230.

Букеллариев и из тех фем, которые расположены близ фемы Армениаки, они не могут существовать“.¹

Усиление связей Византии с Причерноморьем в первой половине IX в. отмечают и новейшие советские исследователи культуры древней Руси. Так, Б. А. Рыбаков указывает, что в эту эпоху „русские купцы-дружинники становятся посредниками между Западом (через Византию. — Е. Л.) и Востоком“. Б. А. Рыбаков ссылается на „Книгу путей и государств“, написанную около 846 г. Ибн-Хордадбе, в которой мы находим упоминание о торговле русских купцов в Византии. Позднее, во второй половине IX в., торговля эта значительно вырастает. „К этому времени относится много кладов серебряных монет“.²

Большое значение понтийской торговли во внешней политике Византии в первой половине IX в. и повышенный интерес правительства к Понту нашли свое отражение в ряде фактов, имевших место в период царствования Феофила — в превращении Амастриды в метрополию, повышении в ранге округа Пафлагонии, ставшего самостоятельной фемой (выделенной из фемы Букеллариев), построении Саркела на Дону.³

Дж. Бьюри обратил внимание на тот факт, что посланная Феофилом экспедиция в Херсонес для построения крепости Саркел нашла в Херсонесе судна (χελώνδια), направленные туда стратигом Пафлагонии.⁴ Интересно, что и в житии Георгия Амастридского, написанном Игнатием, указывается, что амастридские купцы были схвачены в Трапезунде по доносу о неуплате положенных налогов (δημοσίου).⁵

Значительность масштабов морских сношений и морской торговли, их роль в экономике византийского государства в рассматриваемое время освещены также и в законодательном памятнике, в так называемом „Морском законе“ (νόμος ναυτικός).⁶ Можно лишь удивляться тому, что этот памятник, который сложился в VII—IX вв., никогда не привлекался в исследованиях буржуазных ученых для изучения византийской торговли. О нем или вовсе не упоминают, или упоминают лишь при перечислении законодательных памятников, не давая при этом никакого представления о его содержании.

Время возникновения „Морского закона“ устанавливается на основе его терминологии; к тому же его рукописные версии, представляющие собой разные, значительно отличающиеся друг от друга варианты текста (что указывает на наличие длительной предшествующей традиции), сохранились начиная с X в.

Закон обнимает круг вопросов, связанных с регламентацией отношений между торговцами (ἐμποροί), отправляющими свои товары морским путем, и судовладельцами-капитанами (ναύκληροι), между пассажирами, путешествующими по морю (ἐπιβάται), и навклерами, между навклерами, эмпорами, пассажирами и судовой командой (ναῦται).

Подобно тому, как это имеет место и в других памятниках обычного права, статьи „Морского закона“ представляют собой запись

¹ Const. Porph. De adm. imp., p. 270, 18—23.

² Б. А. Рыбаков. Торговля и торговые пути. „История культуры древней Руси“, т. I, 1948, стр. 316 и сл., и особенно стр. 337 и далее. „Руссы — а они из славянских племен — приходят из отдаленнейших областей Саклаба (страна славян) к Румскому морю и тут продают шкуры бобра, черной лисицы, а также мечи“, — говорит Ибн-Хордадбе.

³ Ранее Пафлагония, вероятно, была катепанатом.

⁴ J. V. Bury. A History of the Eastern Roman Empire, London, 1912, p. 416; Const. Porph., De adm. imp., p. 177.

⁵ В. Г. Васильевский. Труды, т. III, Пггр., 1915, стр. 42.

⁶ Издан W. Ashburner. The Rhodian sea law, Oxford, 1909.

конкретных, встретившихся или, вернее, часто встречавшихся в жизненной практике случаев; они записывались, когда создавшиеся осложнения требовали специального (очевидно, судебного) разбора и решения в пользу одной из сторон. Именно вследствие своей исключительной конкретности текст закона содержит богатый материал, характеризующий различные стороны жизни купцов и моряков.

Таким образом, закон не только представляет интерес с чисто юридической и историко-правовой стороны, но и содержит ряд сведений, важных для истории социально-экономических отношений интересующего нас времени.

В законе имеется немало конкретных данных об оснащении кораблей, об их ценности, о характере перевозимых грузов, об обстановке мореплавания, о составе судовой команды, о ее взаимоотношениях и т. д.

В то же время обращает на себя внимание отсутствие каких-либо географических или этнических наименований, наименований портов, дающих возможность локализовать пути, по которым шли эти корабли. В этом отношении изложение статей закона носит обобщенный характер, легко объяснимый, вероятно, специфическим назначением этого документа — законодательного памятника.

По данным закона (III, 11), новый, пригодный для перевозки большого и ценного груза корабль вместе со всем своим оснащением оценивался в сумме 50 номисм; старый, пришедший в ветхость, — в 30 номисм. Вместимость обычного торгового судна, имевшего такую стоимость, определялась в 1000 модиев. Вместимость (*μοδισμός*), или водоизмещение, определялось, как это показал М. Гуда (в частности, на основании Патмосских практиков), путем умножения длины, ширины, высоты на величину локтя, выраженную в модиях.¹

Судно должно было иметь высокие борты. Оно должно было быть оснащено хорошими крепкими мачтами (*κεράτων*), реями (*ιστοκερίαν*), рулем (*καταρτίους*), прочными парусами (*ισχυράν ἄρμενα*), шкурами или кожами (*διφθέρας*) для покрытия груза с целью предохранить его от непогоды, конопляными веревками (*σχινία καννάβινα*), якорями (*ἀγκύρας*), лодками или ботиком, снабженными рулем.²

На корабле должна была быть закаленная, испытанная в бурях команда (*καὶ ναύτας τοὺς ἀρκούντας ναυτικοὺς γοργοὺς γρεγοροῦντας*). Это было необходимо потому, что в плаваниях угрожали буря (*ἐν ζάλη*), кораблекрушение (*ναυάγιον παθεῖν*), встречи с разбойниками, пиратами (*ληστῶν ἢ περσῶν*).³ Команда должна была быть готова ко всем этим испытаниям.

Персонал судна состоял из навклера (*ναύκληρος*), владельца и капитана корабля; кивернета (*κυβερνήτης*), управлявшего рулем и наблюдавшего за матросами в кормовой части судна;⁴ прорея (*πρωρεύς*) — помощ-

¹ Например, длина — 15, ширина — 7, высота — 2,5, тогда $15 \times 7 \times 2,5$ куб. локтей (византийский локоть — 0,3123 м; византийский фут — 0,46845 м) = 262,5 куб. локтей. Принимая, что 1 куб. локоть = 6 модиям, получаем 1572 модия. Разумеется, цифра 6 условна, так как величина модия как единицы измерения колебалась. См. Я. А. Манандян. Римско-византийские хлебные меры. „Византийский Временник“, т. II, 1949, стр. 60 и сл. Ср. о способах вычисления *μοδισμός* у М. Γοῦδα Ἡ καταμέτρσις τῶν ἐμπορικῶν πλοίων. Βυζαντίς, т. I, 1909, р. 40; ср. II, 16: εἶναι τὰ χιλιὰς τοῦ μοδισμοῦ χρυσίνων, πεντήκοντα μετὰ πάσης τῆς ἐξαρτίας αὐτοῦ... του δὲ πλοίου τοῦ παλαιοῦ χρυσίνων τριάκοντα. „Морской закон“ М. Гуде остался неизвестным, как это ни удивительно.

² „Мор. зак.“, III, 11; III, 43; III, 44.

³ „Мор. зак.“, III, 35—38, 43—46; III, 4; III, 15.

⁴ Ср. J. Starr. The roman imperial navy, 1941, р. 56. О терминологии ср. Claudii Claudiani. Panegyricus in Manlium Theodorum consulem (написан в 399 г.) (Carmina. Lipsiae, 1877).

ника навклера, управлявшего носовой частью корабля и сигнализировавшего о скалах и мелях; каравита-боцмана (*καραβίτης*), матросов (*ναῦται*), парасхарита (*παρασχαρίτης*), заботящегося об огне на корабле;¹ кроме того, имелся особый матрос, правивший парусом (*ἀρμενιστής*), и дозорный (*βιγλιόφορος*). К персоналу „Морской закон“ причисляет также не принимающего участия в плавании кораблестроителя (*ναυπηγός*).

За участие в плавании моряки получали *μίσθος*, известное количество „долей“ прибыли (*μέρος*). Однако размеры прибыли были весьма различны, в зависимости от положения каждого. Навклер получал 2 доли прибыли, кивернет, прорей, каравит — по 1½ доли, матросы — по одной доле, парасхарит — 1½ доли. При аварии доля участия каждого расценивалась также различно, что ярко отражало разницу в социальном и экономическом положении участников плавания.

Так, в соответствующей статье закона (III, 9) говорится: „Если навклер намеревается произвести сбрасывание груза, то он должен опросить пассажира (*τοὺς ἐπιβάτας*), чье имущество (*χρήματα*) находится на корабле. И пусть решат, что делать,² голосованием (*ὅτι δὲ ἐὰν γίνεται, τοῦτο ψήφον ποιείτωσαν*). Производят складчину всего имущества. Ковры (*στρώματα*), платья (*ἱμάτια*), посуда (*σκεύη*) — все должно быть оценено. И если будет произведено сбрасывание груза, то доля навклера и пассажиров приравнивается не более чем к одному литру, кивернета и прорея — не более чем к полулитру, доля матросов — не более чем к трем граммам; рабы (*παῖδες*) или если едет кто-либо иной, не предназначенный для продажи (*μὴ ἐπὶ πράσει ἀγόμενός*), то соответственно оценке [в вариантах: в три мины (*κατὰ τριήνων*)], если же едет кто-либо предназначенный на продажу, то не более двух мин... Если же речь идет о товариществе в прибыли (*εἰς δὲ συμφώνον*), то соответственно доле прибыли вычисляется и потеря“.

Приведенная статья (III, 9) интересна в том отношении, что в ней дается цифровое соотношение между имуществом различных членов команды.

Если имущество навклера оценивается (предельно) в сумме одного литра, кивернета и прорея — в сумме полулитра, то имущество матросов оценивается лишь в сумме трех граммов.

Меры стоимости, указанные в этой статье, редко встречаются в текстах. Лишь изредка они упоминаются в некоторых папирусах.³ Если принять за основу обычное весовое соотношение между литром и граммами,⁴ то оказывается, что имущество навклера определялось законом, как стоившее в 96 (288 : 3) раз дороже, чем имущество матроса.

Навклер и пассажиры, обычно имевшие, как говорит закон, не менее двух слуг (*παῖδες*), принадлежали безусловно к числу евпоров. Имущество же евпоров, по прямым данным законодательных памятников,

¹ D u c a n g e. Glossarium s. v. — cui in navi foci cura incumbit.

² Ср. Lex Rhodia de jactu, Dig. 14.2. Если для спасения корабля от грозившей опасности пришлось выбросить чьи-нибудь вещи или принести какие-либо другие жертвы (например, обрубить мачты), то происшедший вследствие этого убыток должен быть понесен совместно с собственником этих вещей еще собственниками спасенных вещей, корабля или груза. Д. Д. Гримм. Лекция по догме римского права, 1910, стр. 328.

³ Например, Pap. Leipz., 62, col. II, 384—385 гг. (цитирую по W. Ashburner. Ук. соч., стр. 88, где приводятся и другие — хронологически более ранние — примеры).

⁴ 1 литр = 12 унциям = 72 номисмам = 288 граммам; золотой грамм = 1/4 номисмы = τέταρτον τοῦ χρυσίου (D u c a n g e, s. v. γράμμα); 1 серебряный литр (фунт) = 5 золотым номисмам = 60 миллиарсиям; 1 миллиарсия = 1/12 золотого солида (номисмы).

должно было быть стоимостью выше 50 номисм (золотых). Кроме того, в статье говорится не только о стоимости постели и утвари, а и о χρήματα, т. е. имуществе в целом [может быть, деньгах, ценностях, коврах (στρώματα) и одежде (μάτια)]. Поэтому установленное в статье соотношение следует считать вполне возможным, ясно оттеняющим значительную имущественную дифференциацию, имевшую место между навклером и матросами.

„Морской закон“ перечисляет разнообразные товары, которые перевозили на кораблях; он упоминает золото (χρυσίον), серебро (ἀργυρίον), жемчуг (μαργαρίτας), шелк (όλοσηρικιά), шелковые одежды (βέστην), плащи (μάτια), сосуды (σκεύη), ковры (στρώματα), полотно (όδόννη), зерновой хлеб (σῖτος), вино (οἶνος), оливковое масло (έλαιον).¹ В одной из статей упоминается и об относительной стоимости некоторых наиболее ценных товаров. Так, в ст. III, 40 говорится: „Если кораблю случилось претерпеть аварию (ναυάγιον παθεῖν) и спасена часть корабля и корабельного груза (καὶ σωθῆ ἕ μέρος τοῦ γόμου καὶ τοῦ πλοίου) и если пассажиры везли при себе золото или серебро или чистый шелк (όλοσηρικιά) или жемчуга, то спасенное золото „вносится“ (расценивается. — Е. Л.) (ἐπιφερέτω) из расчета $\frac{1}{10}$ части (δεκάτας), серебро — из расчета $\frac{1}{5}$ (πέμπτας), шелк, если он спасен не подмокшим (ἐὰν ἄβροχα σωθῶσι), из расчета $\frac{1}{10}$, так как он подобен по ценности золоту (ὡς ὅμοια ὄντα τοῦ χρυσοῦ). Если же он подмочен, то вычитается за слинявший(?) (τὴν ὑποτριβήν) и промокший (καὶ τὴν ἀποβροχήν), и так производят общий подсчет — складчину. Жемчуга при расценке (καθὼς ἐκτιμηθῶσι) оплачиваются как при гибели золотого груза (χρυσίου φόρτον τελείτωσαν τὴν ἀπωλείαν)“.

На судах путешествовали торговцы-эмпоры, перевозившие груз и рабов, часто предназначенных для продажи, а также и пассажиры (ἐπιβάται). Торговцам разрешалось везти с собой на корабле двух слуг — рабов (παῖδες) с условием оплаты их проезда (ναῦλον).

Пассажиру-мужчине отводилось место размерами в три локтя в длину и в один локоть в ширину, женщинам — в один локоть, детям — в половину локтя (источник не указывает ширину). Пассажирам запрещалось жарить на корабле рыбу, рубить дрова. Пресную воду для питья предписывалось употреблять умеренно (ἐπιβάτης ἐν πλοίῳ ὕδωρ μέτρω λαμβανέτω).²

Ценные вещи (например, золото и серебро) пассажир должен был сдавать навклеру, в противном случае он не мог предъявлять претензий о пропаже. Повидимому, случаи кражи у пассажиров были часты и притом нередко с ведома и приказа (κελεύσει) навклера. В последнем случае отвечал не только навклер (он должен был возместить предмет кражи в двойном размере), но и матрос. Матрос, хотя он и действовал по приказу навклера, получал сотню палочных ударов (ξυλαγωγή).³ Если же матрос совершал кражу, особенно золота, по собственной инициативе, то, помимо возмещения украденного, его предписывалось сильно (σφοδρῶς) побить,⁴ — повидимому, 100 палочных ударов считалось слабым наказанием!

Если с ведома матросов навклер бежал в чужую страну, то имущество всех участников плавания конфисковывалось.⁵

¹ „Мор. зак.“, III, 34, 38, 40.

² „Мор. зак.“, III, 15; II, 8, III, 9; II, 13.

³ Вероятно, он проходил сквозь строй.

⁴ В Synopsis Minor, XIII (ed. C. E. Zachariae von Lingenthal. Jus Graeco-Romanum, v. II). ξυλαγωγή παρὰ τῷ νόμῳ καλοῦνται αἱ διὰ ξύλων ἐπαγομενὰ τίσι μάστιγες.

⁵ „Мор. зак.“, III, 8.

Частые столкновения, драки, приводившие к увечьям, вызвали необходимость в особой „таксе“ за них. Например, за выбитый глаз уплачивалось 12 золотых, за опухоль — 10 золотых. Этот штраф шел для оплаты врачей (τοὺς μισθοὺς τοῖς ἰατροῖς или ἰατρεῖα), а также служил платой матросу за все время болезни (καὶ τὸν μισθὸν ὅλου τοῦ χρόνου τῆς ἀργίας καὶ ἐπιμελείας).¹ Из этого можно заключить, что речь шла преимущественно об избении судовой команды — матросов, тем более, что сумма штрафа рассчитана на обеспеченных людей.

Торговцам возбранялось нанимать для перевозки большого и ценного груза старые, пришедшие в ветхость корабли (III, 11).

Закон предусматривал различные обстоятельства, которые могли осложнить взаимоотношения между ростовщиками, дававшими ссуду золотом и серебром на условиях доли в доходе, и судовладельцем, между командой судна, судовладельцем-навклером и торговцем-эмпором.

„Купец средневековья, — писал Энгельс, — отнюдь не был индивидуалистом, он был по существу своему общинником, как и все его современники... То же относится к горной промышленности, где также каждый пай горного участка давал одинаковое участие, и так же, как надел общинника, был делим вместе с связанными с ним правами и обязанностями... то же самое в не меньшей мере относится к купеческим товариществам (Genossenschaft), вызвавшим к жизни заморскую торговлю“.² Эти слова Энгельса находят свое полное подтверждение и в „Морском законе“.

Часто встречающийся на протяжении его текста термин „товарищество“ (κοινωνία) является лучшим доказательством распространения этой формы отношений в морской торговле. Договоры о товариществе заключались, по данным закона, между торговцами (III, 17), между навклерами (III, 21), между торговцами и навклерами (III, 32), между членами команды судна (ср. также III, 9, 27, 28).

Часто упоминается о займе денег под проценты. Это практиковалось как навклерами, так и торговцами. Сравнительно широкое развитие ростовщичества в Византии VIII—IX вв. легко объяснимо, так как „ростовщический капитал, как характерная форма капитала, приносящего проценты, соответствует преобладанию мелкого производства крестьян, живущих своим трудом, и мелких ремесленных мастеров“³, что и имело распространение в Византии в рассматриваемое время.

Известия о морской торговле содержатся и в других источниках. Генесий, продолжатель Феофана, Псевдо-Симеон и Скилица повторяют рассказ об огромном корабле Феодоры, жены императора Феофила. Этот корабль прибыл в гавань Буколеона и был сожжен императором, „не желавшим из-за подобной жены превратиться, как говорят хронисты, в навклера (по другой версии — в эмпора)“. Продолжатель Феофана, описывая этот корабль, указывает, вероятно „на глазок“, что он был способен перевезти 1000 людей. Когда он со своими огромными распущенными парусами прибыл в Константинополь, то тень парусов легла на всю пристань.⁴

Таким образом, есть все основания считать, что в рассматриваемую эпоху Византия и центр ее — Константинополь играли видную роль в международной торговле и имели широкие торговые связи, несмотря

¹ „Мор. зак.“, III, 5—7.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 501—502.

³ К. Маркс. Капитал, т. III, 1949, стр. 608.

⁴ Theophanes Continuatus, ed. I. Bekker, Bonn. 1838, p. 88 sq. и p. 628; Genesios, ed. C. Lachmann, Bonn, p. 75, Cedrenus—Migne, PG. t. 121, col. 102.

на завоевание восточных провинций халифатом. В VI—VIII вв. греческие и сирийские купцы посещали города Западной Европы: Рим, Равенну, Марсель, Нарбонну.

Константинополь, славившийся своими редкими товарами, привлекал купцов со всех сторон. Именно поэтому, вероятно, об организации торговли и ремесла в Константинополе сохранились наиболее полные сведения. Однако было бы неверно считать, что Константинополь был единственным центром ремесленного производства и торговли в Византии VIII—IX вв. Так, например, на VIII—IX вв. приходится расцвет производства шелка в Малой Азии,¹ с которой конкурировали и некоторые местности Эллады.

Следует отметить, однако, что ремесленное производство отнюдь не было сосредоточено только в городских центрах.

Из λόγος ἀποδεικτικός к Константину V, написанного Иоанном Иерусалимским в 770 г., известно, что в епископских имениях значительное место занимали не только хлебопашество, скотоводство, виноградарство и разведение оливок, рассчитанные на производство для продажи, но и шелководство (πῶς πραγματούσωνται τὸ ἔριον καὶ τὸ μέταλλον).²

В Студийском монастыре также было большое количество ремесленников, среди которых упоминаются кожевники, сапожники, портные, ткачи, золотых дел мастера, кузнецы, слесари, ножовщики, специалисты по изготовлению ключей (κλειδοποιοί), цепей, рыболовных крючков, гончары, мастера, изготовлявшие фляги, седла, бичи, корзины, сети, палатки, каменщики, плотники, столяры, красильщики, иконописцы (ζωγράφοι), делатели бумаги (χαρτοποιοί), пергамента (μεμβραντοποιοί), переписчики, переплетчики (ἀμφίζοντες, ἀμφισταί). В монастыре существовали разнообразные мастерские, которые, по свидетельству Федора Студита, изготовляли продукцию не только для непосредственного потребления монахов, но и на продажу.

В агиографической литературе имеется немало сведений того же рода. Так, в житии Федора Эдесского (ум. в 860 г.), которое написано его племянником Василием Эмесским,³ упоминается монах, изготовлявший на продажу τὴν σείραν — веревки.⁴

В житии Афанасии Эгинской (ум. в 860 г.) упоминается о ее занятии ткачеством (sola telam texerat).⁵

Феодора Солунская (ум. в 892 г.), по свидетельству ее современника и биографа клирика Георгия, имела в своей келье, которую она занимала вместе с дочерью, ткацкий станок.⁶

О ремесленниках упоминается в рассказе о перенесении мощей Евфимии, написанном тийским (Пафлагония) епископом Константином на основании его личных воспоминаний.⁷ Константин — автор рассказа — был вероятным участником соборов 869 и 878 гг.

В житии Евстратия (ум. ок. 885 г.), написанном по записям его современников,⁸ упоминается о ἐργαστηριακός, приведшем к Евстратию своего сына.⁹ В житии Иоанна Психаита (ум. ок. 820 г.), написанном

¹ J. Sölich. Historisch-geographische Studien über bithynische Siedelungen. „Byz. neugr. Jahrbücher“, I, 1920, S. 304.

² Migne P G, t. 95, p. 331b.—332b.

³ И. Помяловский. Зап. СПб. ун-та, ист.-фил. фак-та, 1892, 1—220.

⁴ X. M. Лопарев. Ук. соч., стр. 413.

⁵ Acta Sanctorum Bollandiana (далее — AASS) август, III, p. 170. X. M. Лопарев. Ук. соч., стр. 451.

⁶ Еп. Арсений, Житие и подвиги Феодоры Солунской, Юрьев, 1899.

⁷ AA SS сентябрь, V, 274—283.

⁸ A. Paradoroulos-Cerameus. Analecta, t. IV, СПб., 1897, стр. 367—400.

⁹ Ср. X. M. Лопарев. Ук. соч., стр. 329.

во второй половине IX в.,¹ упоминается о меднике (*χαλκεύς*); в житии Стефана Нового (ум. в 767 г.), написанном диаконом Стефаном в 807 г.,² — о мастеровом [?] (*κάπηλος*) и т. д.

В крупных поместьях византийских феодалов, как светских, так и духовных (в монастырях, в епископских имениях), было немало искусных мастеров и мастериц текстильных (шерстяных, льняных, ковровых) изделий. Наиболее ярким документом, свидетельствующим об этом, является рассказ Константина Багрянородного об имении Данилиды в Пелопоннесе. Он указывает, что эта женщина изготовила (руками своих мастериц) и отослала императору Василию I в подарок большие шерстяные ковры (*τάπετας*), носящие наименование „моленных“ (*τοὺς παρ' ἡμῶν τῆς εὐχῆς τὸ ἐπόνυμον φέροντας*), чтобы ими закрыть весь пол знаменитой „Новой церкви“, который был украшен мозаикой, составленной из многих драгоценных камней и изображавшей прекрасных павлинов; ковры эти были достойны удивления и по величине и по красоте.³

Многочисленные категории ремесленников и торговцев в городах и сельской округе — ткачи, мыловары, свечники, кожевники, булочники, мясники, ювелиры, строители, торговцы мясом, рыбой, лошадьми, глиняной посудой, менялы и т. д. — находились под постоянным надзором византийских властей; эти последние, по характеристике Федора Студита, жестоко взыскивали с них налоги и сборы⁴ и регламентировали до деталей всю их деятельность.

В начале X в. некоторые из ремесленников, как можно судить по „Книге Эпарха“, были объединены в корпорации, каждая из которых имела монополию на определенную отрасль производства или торговли, установленное место для своей деятельности и т. д.

В некоторые корпорации (аргиропратов, вестипратов, сирикариев и др.) принимались и несвободные (рабы) при условии полного материального поручительства их господ за них и за их мастерскую. Притом господа должны были обязательно принадлежать к разряду евпоров.⁵

Всякого рода отступления от установленных правил производства и торговли карались жестокими телесными наказаниями, обычно применявшимися в эту эпоху к эксплуатируемым классам общества.⁶

Наиболее важные и доходные отрасли ремесленного производства (шелк) являлись в X в. монополией государства. Данные жития Антония Кавлея (ум. в 901 г.) дают основание считать, что и в интересующий нас период шелковое производство было сосредоточено в руках государства. Так, в житии упоминается об одном из начальников

¹ P. Van den Ven. La vie grecque de S. Jean le Psichaité. „Museum“, N. S., 3, 1902, p. 97—125. Ср. X. М. Лопарев. Ук. соч., стр. 231 сл.

² Migne, PG, 100 col. 1069—1186. Ср. В. Никитин. Изв. Акад. Наук, 1912, стр. 1099—1115; X. М. Лопарев Ук. соч., стр. 144.

³ Theoph. Cont., p. 319.

⁴ См., например, письмо Федора Студита от 801 г. к Ирине — Migne, PG, t. 99, col. 932—933. Русский перевод: „Творения преп. Феодора Студита“, СПб., 1867—1869, т. II, стр. 215—216.

⁵ Евпоров византийское законодательство называло человека, который владел имуществом, оцениваемым не менее чем в 50 номисм. Ср., например, Procheir., XXVII, 13 Eccl. ad Proch. mut. XVI, 13. В VIII—IX вв. 50 номисм представляли значительную сумму — за эти деньги можно было купить (согласно „Морскому закону“) новый торговый корабль.

⁶ Ср., например, Ecloga, VIII, 6; XVII, 11. „Ворующий в чужом месте (в пределах — E. A.) государства (τῆς πολιτείας) в первый раз — если это свободный (ἐλευθερός) и состоятельный (εὐπόρη), присуждается к возмещению покаяжи; если же — немущий (εἰ δὲ ἀπόρη), то будет высечен и выслан в изгнание; во второй же раз присуждается к отсечению руки“.

императорских шелковых мастерских (τις τῆς βασιλείου τῶν σερῶν ἱστοουργίας ἐπιστατούντων).¹

О развитии ремесленного производства и торговли в провинциальных городах империи, о жизни этих городов в рассматриваемую эпоху мы мало осведомлены.

Имеющиеся сведения носят совершенно случайный характер. Однако сопоставление их все же бросает некоторый, хотя, к сожалению, и весьма недостаточный свет на этот важный и совсем не разработанный в науке вопрос.

Наиболее определенные данные относятся к районам Македонии и Греции, и прежде всего к Фессалонике — второму после Константинополя городу империи, постоянно именуемому „знаменитым, блестящим, прославленным“.² Поскольку свидетельства эти относятся частью ко времени, непосредственно предшествующему интересующему нас периоду, частью к самому началу X в., использование их может до известной степени восполнить недостаток прямых данных.

Фессалоника, как известно, расположена амфитеатром, поднимающимся по склону возвышенности Корфиата над заливом, имеющим ряд удобных гаваней для причала судов. Прославленный фессалоникский порт, благоустроенный еще в IV в. н. э.³, описывается и в „Acta Demetrii“.⁴ Там рассказывается, что порт (σοῦδα) был снабжен молом (μόλω), защищенным башней. Автор „Acta“ упоминает, что регулярный подвоз продуктов в город с моря нарушался лишь во время славяно-аварской осады Фессалоники. Город был со всех сторон обнесен мощными стенами,⁵ ограждавшими его от возможности неожиданного нападения как с суши, так и с моря. Подобным же образом и близлежащие монастыри имели столь грандиозные стены и укрепления, что авары и славяне, подойдя к ним, приняли их первоначально за городские.⁶

Внутри города и по ту сторону стен были расположены виноградники и сады. За пределами города находились пашни, принадлежавшие горожанам,⁷ что свидетельствует о тесной связи города с сельской округой, столь характерной для этого периода. В то же время и в пределах самого города (в его восточной части), как показывает запродажная 897 г.,⁸ находились возделанные земли и виноградники.

Поскольку от древней Фессалоники не сохранилось ни одного памятника (древнейшие сохранившиеся относятся к IV в. н. э.), есть все

¹ А. И. Пападопуло-Керамевс. Сборник греч. и лат. памятников, касающихся Фотия патриарха. СПб., 1899, т. I, стр. 1—25, § 26.

² Ср. запродажную 897 г. у G. Rouillard et P. Collomp. Actes de Lavre, Paris, 1937, № 1.

³ Zosimi. Historia, ed. Bonn, II, 22 (p. 86). См. О. Тафрали. Ук. соч., стр. 15.

⁴ Migne PG, t. 116, col. 1328 и далее.

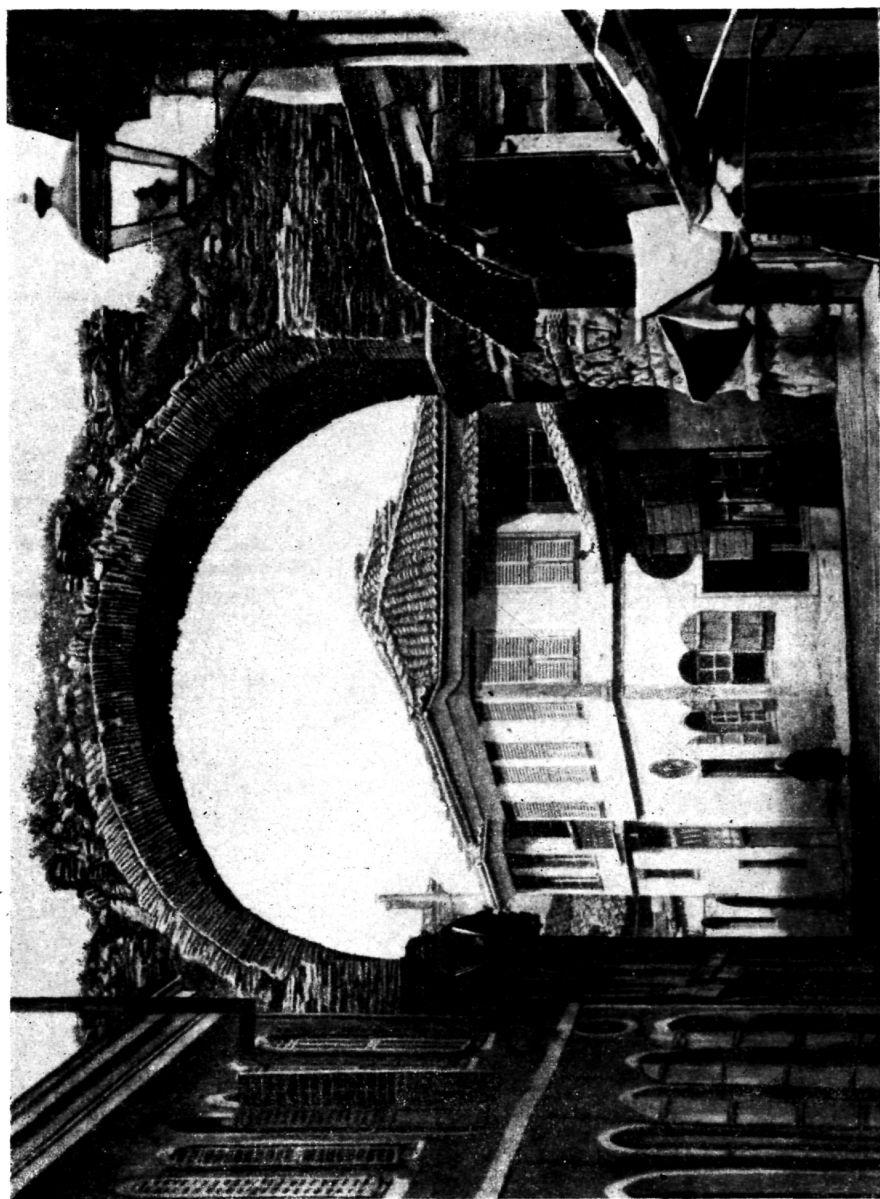
⁵ Стены города построены в IV в.

⁶ Примером обнесенного стенами монастыря может служить и знаменитый монастырь Дафни (близ Афин). Стены, ограждающие его территорию, относятся к VI в. См. G. Millet. Le monastère de Daphni. Paris, 1899.

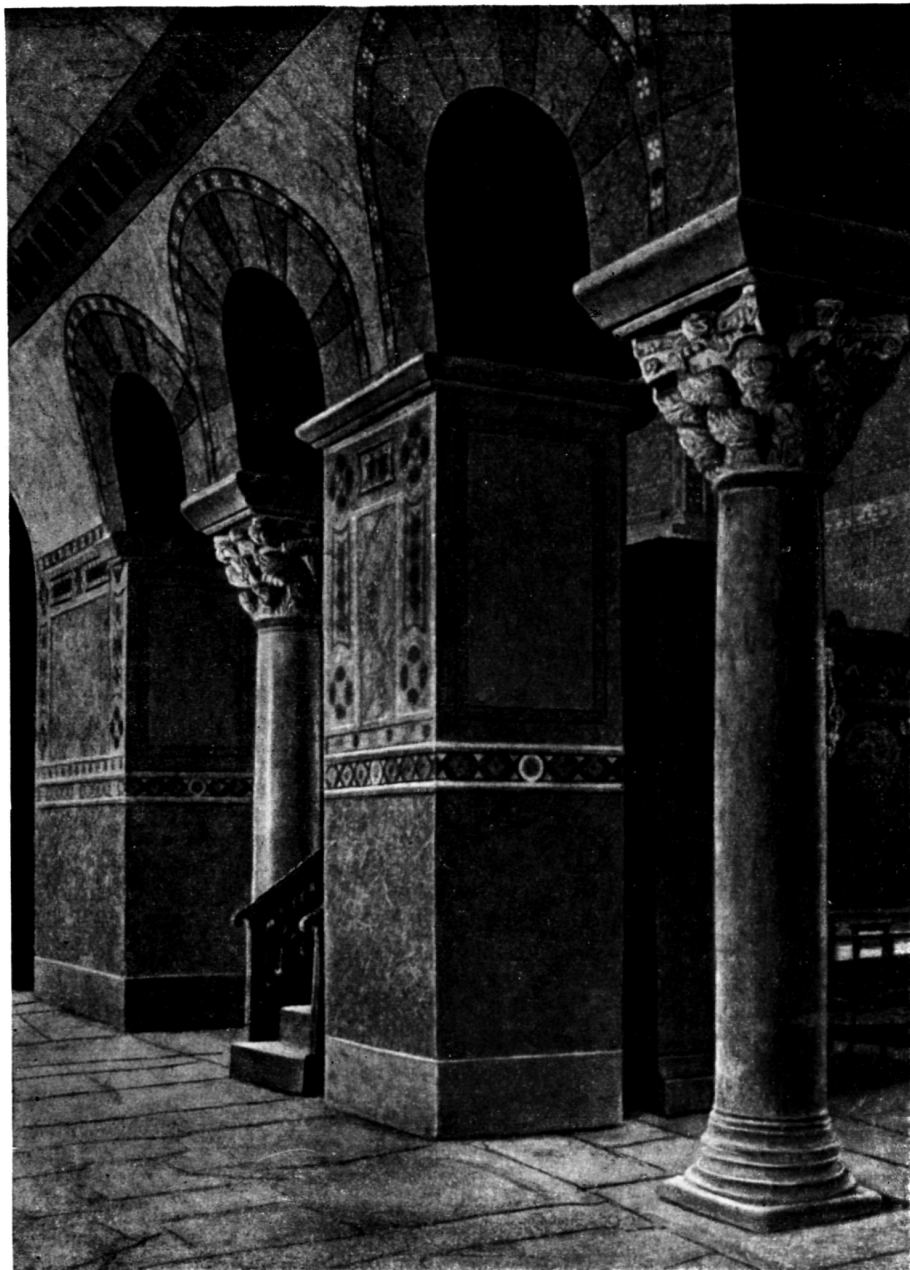
⁷ Автор сказания упоминает о том, что в момент осады горожане находились вне городских стен на полевых работах. „Подъезжая к городу, путешественник был вынужден часами проезжать через богатые насаждения виноградников и деревьев“, — говорит Пукевиль. См. О. Тафрали. Ук. соч., стр. 23. Ср. G. L. F. Tafel. De via Egnatia, Tübingen, 1841. О том же свидетельствуют и надписи.

⁸ О садах и растительности внутри города см. Eustathius. De laudatione S. Demetrii. Migne, PG, t., CXXXVI, col. 213. Ср. О. Тафрали. Ук. соч., стр. 140. О виноградниках внутри города см. X. М. Лопарев. Ук. соч., стр. 59. В житии Илариона Грузина рассказывается, что диакон церкви св. Димитрия, отправившись за город для посещения своих пашен, был захвачен в плен скифами (т. е. славянами), когда уже находился на довольно большом расстоянии от города.

⁸ См. ссылку в прим. 2.

Фессалоника. Арка Галетия до реставрации.

Фессалоника. София. Внутренний вид.

основания считать план города в целом созданием средневековой эпохи. От старого плана эллинистического и римского времени Фессалоника сохранила лишь две крупнейшие городские магистрали и площадь, вымощенные плитняком (подобно главным улицам и площадям Константинополя).

Первая из них — знаменитая *via Egnatia* — прорезает город в направлении с запада на восток. Вход на эту широкую улицу (*λευφόρος*) открывается через Золотые ворота (со стороны Вардара) и украшен внутри города триумфальной аркой. Подобным же образом на противоположном конце улицы перед воротами Кассандра возвышается вторая триумфальная арка.

Параллельно *via Egnatia*, несколько севернее ее, от ворот „Архангелов“ (Телли-Капу) мимо церкви Димитрия, проходит вторая широкая магистраль. На некоторых улицах имелись портики, воспроизведенные на миниатюрах. Близ ворот Кассандра, южнее *via Egnatia*, находился в рассматриваемое время городской рынок.

В описаниях византийских писателей Фессалоника характеризуется как город, богатый растительностью, садами, кипарисовыми насаждениями, имеющий сравнительно хорошее водоснабжение (ключи, цистерны). Как и другие византийские города, Фессалоника имела множество церквей (по местной легендарной традиции — по числу дней в году), по имени которых именовались городские кварталы.

В отличие от эллинистических городов средневековая Фессалоника не имела строго выдержанной геометрической планировки своих улиц и кварталов, если не считать двух главных магистралей, оставшихся от старого плана города. Боковые улицы были узки, тесны.

Яркую картину жизни города рисует Каменьята, рассказ которого во многом дополняет сообщение „*Acta Demetrii*“. По словам этого автора, составившего свое описание вскоре после 904 г., жизнь в Фессалонике была ключом.¹ „Так как через середину города проходит большая государственная дорога (*λευφόρου δημοσίας*), ведущая с запада на восток, и так как проходящие по ней в силу необходимости вынуждены останавливаться (*ἐν διατριβείν*) у нас и запасаться необходимыми продуктами (*καὶ τὰ πρὸς τὴν χρεῖαν πορίζεσθαι*), то мы имеем возможность пользоваться плодами этого и приобретать себе все, какие ни на есть, прекрасные вещи (*πάν ὅτι οὐκ ἄν εἶποι τις τῶν καλῶν ἐξ αὐτῶν ἐχαρποῦμεθα τε καὶ προσεκτήμεθα*). По улицам всегда ходит пестрая толпа из местных жителей и пришельцев, так что легче было бы сосчитать число песчинок в море, чем людей, направляющихся к рынку и занимающихся обменными операциями. Вследствие этого многие приобретали большие сокровища из золота, серебра, драгоценных камней, другие же — сирийские (шелковые) одежды, как и одежды из шерсти. О прочих материалах, таких, как медь, железо, олово, свинец, стекло, а также и тех, которые с помощью огня слагают (соединяются) и создают жизнь (речь идет, очевидно, об алхимии. — *Е. Л.*), я только упомяну и думаю пройти мимо них. Ибо их такое количество, что из них можно было бы строить и выстроить другой город“.

Эта характеристика вполне согласуется с позднейшим замечательно красочным описанием Фессалоникийской ярмарки, в „Тимарионе“² — сатири, написанной неизвестным писателем в XII в.

¹ Издано вместе с *Theoph. Cont.*, р. 500. Жития святых, живших в Фессалонике и близ нее в IX в. (Житие Феодоры, Евфимии, Григория Декаполита), дополняют эту картину.

² *A. Elissen. Analecten der mittel-und neugriechischen Literatur*, Bd., IV, Th. 1, S. 45—48. Рынок в это время находился, однако, уже в другой части города. Местоположение рынка в IX в. засвидетельствовано Федором Студитом и житием Феодоры (IX в.). Материалы собраны *O. Tafrahi*. Ук. соч.

По мнению О. Таффали, рынок так же, как и в Константинополе, был огражден стенами. Он делился на секции по роду торговли наподобие константинопольского рынка, описанного Ибн-Батутой.

О знаменитых Фессалоникийских солеварнях упоминается в эдикте Юстиниана II (688 г.).¹

Наряду с такими крупными центрами, как Константинополь и Фессалоника, должен быть отмечен и портовый город Энос² с его соляными промыслами.

Археологические исследования последнего времени бросили несколько ярких штрихов на ранее вовсе неизвестную картину жизни менее значительных провинциальных городов, находившихся во внутренней части Македонии.

Если Филиппы³ изучены археологами совершенно недостаточно и в настоящее время нам известны лишь отдельные архитектурные памятники (поэтому историю города приходится изучать на основании весьма скудных упоминаний в письменных источниках), то значительно лучше сейчас известны такие города, как Стоби, Афины, Коринф.

Стоби расположен в долине Вардара, примерно на 100 км севернее Фессалоники, в месте соединения рек Црны и Вардара. Подобно Фессалонике, этот город находился на стыке путей, связывавших Эгейское море с долиной Дуная. Одновременно Стоби имел через долину реки Црны прямую связь с *via Egnatia*, проходившей примерно на 50 км южнее и связывавшей Фессалонику с Адриатическим побережьем через Гераклею (Витоль — Монастырь) и Эдессу (Водену).

Лишенный преимуществ приморских городов, таких, как Фессалоника и Энос, Стоби некогда, в V—VI вв. н. э. — первый город Македонии (*καὶ τῆν πρῶτην τῆς Μακεδονίας πόλιν*),⁴ повидимому, и в рассматриваемую эпоху сохранял значение важного центра внутренней Македонии.⁵

Как удалось выяснить в результате систематических раскопок, стены города, охватывавшие площадь 500 × 400 кв. м, представляли собой

¹ А. А. Vasiliev. An edict of the emperor Justinian II., „Speculum“, XVIII, 1943, p. 1—13; Н. Grégoire. Un édit de l'empereur Justinien II., „Byzantion“, XVII, 1944—45, p. 119 sqq.

² Ср. замечательно яркое описание достоинств местоположения Эноса у Кривоула (II, 12, 2—7), ed. С. Müller. Ук. соч., v. V, 1870, p. 112 и сл. Вследствие своего приморского положения город, говорит он, уже с древних времен имел изобилие всего. Но важнейшая причина того, что город превосходит почти все соседние города обилием денег и доходов, это добываемая здесь соль, которая нигде не встречается в таком количестве и такого качества. Благодаря продаже соли по всей Фракии и Македонии город собирает много золота и серебра. Немного выше автор рассказывает и о больших доходах от рыболовства и о торговых связях местного населения с городами материка.

³ Филиппы входили в состав фемы Стримон, основанной в 789—809 гг. (Кириакидес) или в 842—850 гг. (Лемерль). Филиппы были покинуты Византией в 812 г. во время войны с Болгарией и перешли в руки болгар. Согласно имеющимся указаниям (в частности, в житии Григория Декаполита), в период с 831 по 838 г. за Византией в этом районе осталась только незначительная территория с Христуполем (где стоял греческий гарнизон) — нет никаких упоминаний ни о феме, ни о стратиге. Центром фемы были Серры, иногда же, когда Серры оказывались в руках врагов, — Христуполис. Опубликованные памятники — остатки двух базилик с чрезвычайно интересной, красочной внутренней орнаментацией панелями — относятся к VI в. См. новейшее исследование по этому вопросу — Р. Lemerle. *Phillippes et la Macédoine orientale à l'époque chrétienne et byzantine*, Paris, 1945.

⁴ Malchi. *Philadelphii Fragmenta*. С. Müller. Ук. соч., v. IV, p. 125.

⁵ Б. Сария, однако, считает, что в средние века жизнь в городе Стоби совсем заглохла. Как мне думается, этому противоречат данные раскопок (см. ниже). В римскую эпоху Стоби получил, как Фессалоника и Верия, права римского *municipium*. Об античном Стоби см. В. Sarria в Pauly — Wissowa, *Realencyclopädie*, s. v. *Stobi* с указанием литературы.

местами три ряда укреплений (толщиной 2 м 40 см), имели контрфорсы и башни; по мнению большинства исследователей, они относятся к концу V в.¹ Их сооружение связывают с готским нападением 479 г.

Античный город был значительно больше, о чем можно судить по остаткам зданий, относящихся к тому времени, найденных и на левом берегу реки Вардар.

Как и в Фессалонике, вход в город открывается через ворота, сходные в некоторых чертах по форме с фессалоникийскими Золотыми воротами и Золотыми воротами Константинополя.² На площади, занятой поселением, вскрыто несколько улиц. Одна из них (шириной в 4,85 м, с тротуарами по 2,85 м ширины) вымощена плитами и засыпана гравием. В нескольких местах найдены разбитые колонны, ионические и коринфские капители, с импостами, либо никак не украшенными, либо несущими на себе изображение рельефного креста, дельфинов, рыб, орнамент из виноградной лозы. Колоннада была укреплена в позднейшее время столбами, поставленными через каждые две колонны. Нижняя часть столбов сделана из камня, верхняя — из кирпича. Найдены остатки кирпичных арок; возможно, что колоннада несла сводчатое перекрытие. На середине улицы найдено два античных фундамента, использовавшихся в средние века в качестве баз для императорских бюстов.

Подобные же улицы с колоннадами известны и в других городах империи.³ Поскольку все эти находки датируются IV—V вв., есть все основания считать, что столбы колоннады, относимые Г. Мано-Цисси к позднейшей эпохе, были поставлены в VI, а может быть даже в VII в. К этому же позднему времени, вероятно, относятся боковые кривые улицы, так не похожие на правильно расположенную главную улицу.⁴

Мы располагаем интересными данными, свидетельствующими о наличии ремесленного (текстильного) производства на территории города. В некоторых жилых домах, выстроенных из дешевых простых материалов, имелись комнаты абсидальной формы и внутренний двор. В одном из них вскрыты сложные дренажные приспособления, множество морских раковин и орудия, применявшиеся в текстильном производстве. Эти находки дали основание исследователям сделать вывод о наличии в этом доме текстильной мастерской и красильни тканей. Местами в домах найдены кусочки стекляной смальты.

Наряду с жилыми домами, к сожалению, пока мало обследованными, на территории города вскрыто несколько дворцов с мозаичными полами и театр римского времени.

С другой стороны, о дальнейшей жизни города свидетельствуют и письменные источники и находки, сделанные в епископальной церкви. Так, два епископа города Стоби — Иоанн и Маргарит — принимали участие в Трулльском соборе в Константинополе и подписали его акты в 680 и 692 гг.⁵

¹ E. Kitzenger. A survey of the early christian town of Stobi, „Dumbarton Oaks Papers“, № 3, 1946, p. 113

² Там же, стр. 112.

³ В Константинополе, Фессалонике, Эфесе.

⁴ E. Kitzinger (ук. соч.) считает, что первоначальная закладка главной улицы с портиками относится еще к II—III или IV—V вв., когда многие города (Тимгад, Жераза, Пальмира, Антиноя) получали *piano regolare* с улицами, украшенными колоннами и монументальными площадями и эстрадами. Подобная же эстрада завершает и мощеную улицу в Стоби. Однако аркады в портике вместо прямого архитрава указывают на время после IV в.

⁵ Деяния вселенских соборов, т. VI, 1882, стр. 248, 315.

К VIII в. относится орнаментация епископальной церкви фресковыми росписями. К тому же или немного более раннему времени могут быть отнесены и некоторые найденные на территории церкви фрагменты барельефов из мрамора.

Таким образом, есть основания предполагать, что город не только жил в интересующую нас эпоху интенсивной жизнью, но и продолжал украшаться новыми памятниками искусства.

Некоторые новые данные были обнаружены и во время раскопок на горе Валериана пока систематически еще не производились. Однако сделанные здесь случайные находки и находки монет дают основание считать, что именно в этом районе находилось поселение византийского времени.

Самая стена Валериана была построена в III в. н. э. Она была частично восстановлена в VI в. (при Юстиниане). В 662 г. Константин II провел зиму в Афинах. Это свидетельствует о том, что город оставался хорошо защищенным и в VII в. Стена оставалась и в VIII в., и близ нее были найдены следы поселений, относящихся ко времени, которое буржуазные ученые именуют „темными веками“, т. е. к VII—VIII вв. М. Томсон считает, на основании найденных близ стены в большом количестве бронзовых монет 711—741 гг. (Филиппика-Вардана, Артемия-Анастасия II и Льва III), что либо проходящая здесь дорога римского времени продолжала обслуживать население города VIII в., либо вдоль стены и в притык к ней были построены дома, относящиеся к этому времени.¹

Находки монет первой половины VIII в., обнаруженных в значительном количестве у стены Валериана, дали М. Томсон основание сделать вывод, что „вся восточная часть греческой агоры была заселена в VIII в.“

Сравнительно резкое падение количества найденных византийских бронзовых монет в Афинах, как и в Коринфе в VIII—IX вв.,² указывает на экономический упадок этих городов в рассматриваемое время. Тем не менее, следует отметить, что самый характер монет, найденных в Афинах, относящихся ко времени 711—741 гг., нигде не повторяется. Использование ограниченного количества штампов,³ встречающихся только на афинских монетах, указывает на их локальное происхождение и, вероятнее всего, на местный чекан.

¹ M. Thompson. Some unpublished bronze money of the early eighth century. „Hesperia“, 9, 1940.

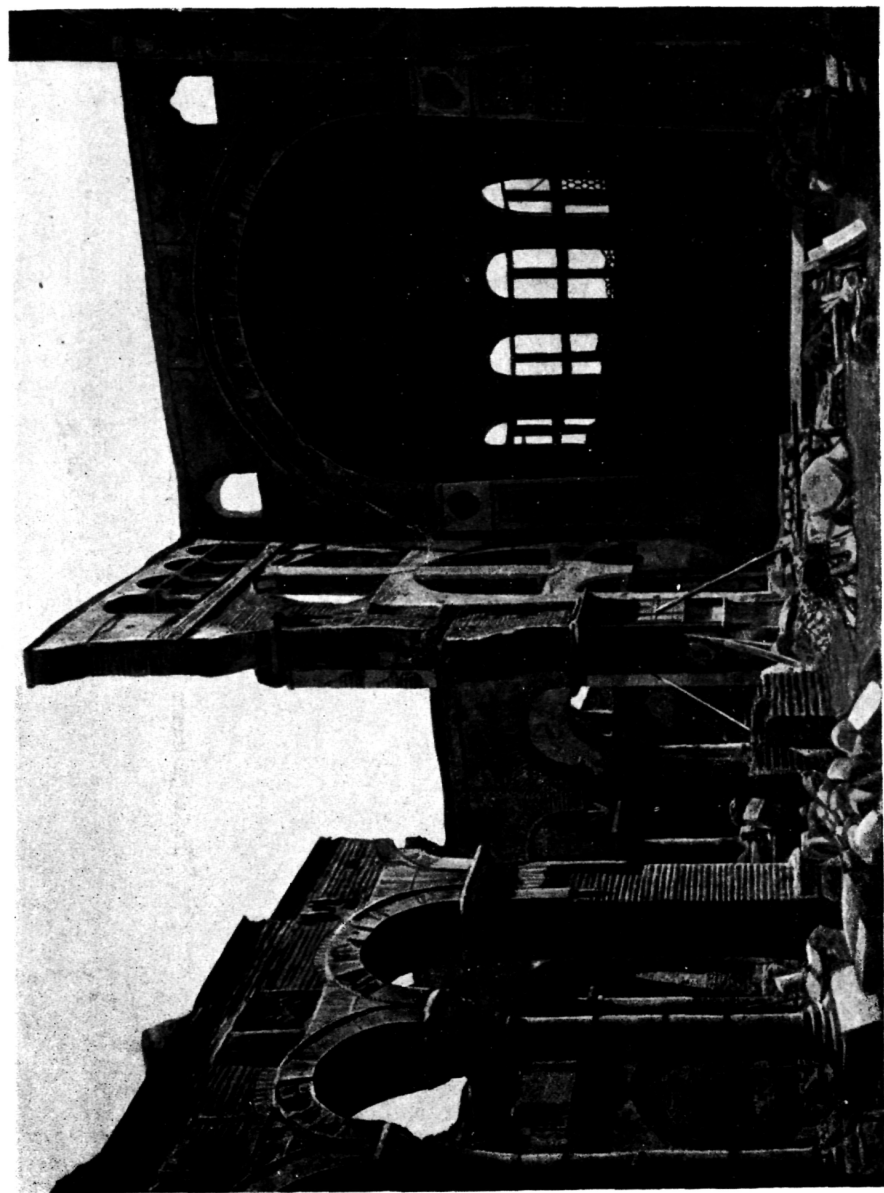
² Привожу таблицу распределения византийских монет по векам (M. Thompson. Ук. соч., стр. 373, п. 33), так как она наглядно подтверждает это положение.

АФИНЫ		КОРИНФ	
VI в. — 254 монеты		VI в. — 2833 монеты	
VII в. — 736 монет		VII в. — 181 монета	
VIII в. — 113 „		VIII в. — 9 монет	
IX в. — 56 „		IX в. — 1439 „	
X в. — 146 „		X в. — 2513 „	
XI в. — 1983 монеты		XI в. — 14803 монеты	
XII в. — 2580 монет		XII в. — 9071 монета	

³ Все монеты Филиппика были отчеканены шестью штампами. М. Томпсон. Ук. соч., стр. 367. По отдельным царствованиям монеты распределяются следующим образом:

Филиппик (711—713) — 44 монеты
Анастасий II Артемий (713—716) — 3 „
Лев III (717—741) — 16 монет

Многие из них носят следы перечеканки с монет Юстиниана II и Анастасия II. На одной из них под первым чеканом следы штампа Тиберия III.

Фессалоника. Развалины церкви Димитрия.

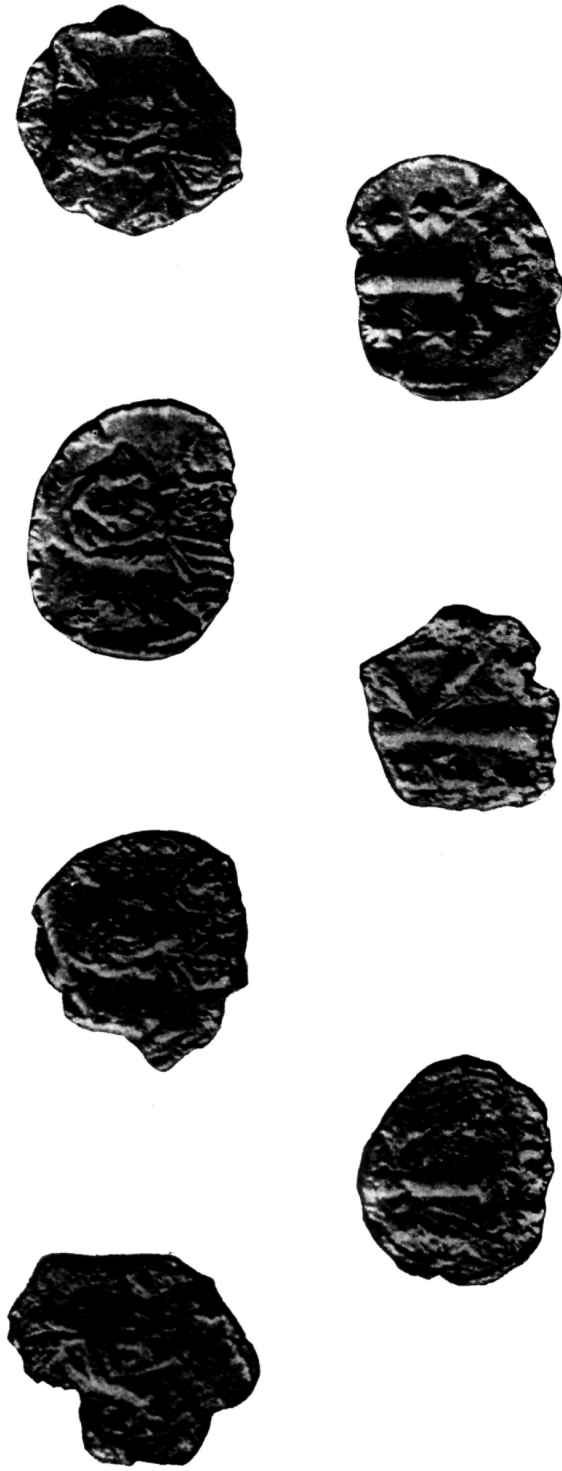

Таблица монет (Hesperia, IX, 3, 1940)

Все монеты находятся в очень плохом состоянии. Многие носят следы троекратной (или даже более того) перечеканки.

С другой стороны, по мнению издателя, находка значительного числа монет (113), падающих на одно только первое сорокалетие VIII в., заставляет по-новому оценивать экономическую жизнь города в это время. На основании этих данных исследовательница признает необходимым подвергнуть критическому пересмотру теорию „темных веков“ и приходит к следующему выводу: „Мнение о том, что Афины представляли собой лишенную значения афинскую деревню в первой половине (точнее, в начале) VIII века, должно быть оставлено, если принять во внимание активизацию чеканки монет“.¹

Судя по монетным находкам (см. таблицу), и жизнь Коринфа в IX в. также стала интенсивной. Если на VIII в. падает всего 9 найденных монет, то монет IX в. найдено 1439.²

О жизни других городских центров, игравших также немаловажную роль в рассматриваемую эпоху, имеется совсем мало данных.

Так, например, Никея — главный центр фемы Опсикия в VIII—IX вв., игравшая важную роль в политической истории рассматриваемого периода, в настоящее время известна лишь по случайным и крайне малочисленным данным. По описанию Ибн-Хордадбе, Никея, входящая наряду с десятью крепостями в состав фемы аль-Обсик (Опсикий), расположена в 8 милях от города, на берегу озера длиной в 12 миль, у берегов которого возвышаются три горы. Когда жители города напуганы опасностью, они сажают женщин и детей на лодки и перевозят их на горы близ озера.³

Никея находилась на большой торговой и военной дороге, ведшей из Константинополя в Антиохию и Дамаск. О тесных связях последнего с Византией свидетельствуют, в частности, относящиеся к первой половине VIII в., недавно открытые там мозаичные росписи, выполненные византийскими мастерами. Идриси, воспроизводящий с дополнениями сообщение Ибн-Хордадбе, упоминает о пути, который вел от Никей к Аbruзии, „знаменитому, многолюдному городу с базарами и жилыми домами“.

Продолжатель Феофана характеризует Никею, как многолюдный и издревле богатый город (ἐκείθεν πρὸς Νικαίαν ἐφίσταται πόλιν ἀρχαίῳ πλοῦτον καὶ πολύχυρον).⁴ Никею восхваляли и более поздние византийские писатели.⁵

Хорошее местоположение города на стыке дорог и развитие в Никее ремесленного производства (в частности, производства шелка) от-

¹ M. Thompson. Ук. соч., стр. 377. Из вышеприведенной таблицы распределения монетных находок по отдельным царствованиям ясно видно, что речь должна идти не о начале VIII в. („early VIII century“), как думает Томпсон, а, вернее, о первой половине VIII в., так как часть монет относится к времени царствования Льва III (717—741 гг.).

² Результаты археологического обследования Коринфа, дополняющие картину его жизни в VIII—IX вв., см. G. Davidson. Archeological evidence for a slavic invasion of Corinth. „American Journal of Archeology“ 1936, p. 128—129.

³ Цитирую по книге H. Gelzer. Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung, 1899, S. 83. Соперничавшая некогда с Никеей Никомидия, принадлежавшая к феме Оптиматов (аль-Офти-Мати), была во времена Ибн-Хордадбе разрушена.

⁴ Theoph. Cont., p. 464.

⁵ Theodoros Scutariotes. Addenda ad Georg Acropol., p. 28, II, Nicephoros Blemmyd. (ed. Heisenberg, Leipzig, 1896, S. 112 сл.) — „город с широкими улицами, окруженный стенами“. Theod. Metoch. Νικαίος — город, богатый деньгами, продуктами, большим числом церквей (Miscellanea). Ср. также Theod. II. Lasc. εἰς τὴν μετὰ πόλιν Νικαίαν. Цитирую по кн.: Sölch. Ук. соч., стр. 281 сл.

мечается многими авторами. Как уже говорилось, расцвет шелкового производства в Малой Азии падает на VIII—IX вв.¹

Стены Никеи считаются самыми внушительными и наиболее хорошо сохранившимися от византийского времени; их длина достигает 4970 м. Во время последних археологических исследований стены Никеи были замерены и обследованы. Было установлено, что техника эта вполне аналогична той, которая применялась при строительстве стен Константинополя.²

В VIII в., как указывается в сохранившейся надписи, стены Никеи были реставрированы Львом и Константином, повидимому, в связи с победой над арабами в 727 г.³

Город, как сообщает Феофан, пострадал весьма сильно во время землетрясения в 740 г. Если верить Феофану, то это страшное землетрясение, продолжавшееся двенадцать месяцев, разрушило не только церкви и монастыри Константинополя, но и города и поселки Фракии (πόλεις καὶ χωριά ἐν τῇ Θράκη), Никомидию, Пренет и Никею. При этом в последней „сохранилась лишь одна только церковь“ (ἐν ἡ μίαν ἐσώθη, ἑκκλησίαν).⁴

Стены города подверглись новой реконструкции в 857—858 гг., о чем также имеются свидетельства в надписях.⁵

Значительные работы по строительству стен и зданий, широко проводившиеся в VIII—IX вв. в Никее, городах Македонии, Греции (кроме выше приведенных данных, сохранились сведения о полной отстройке города Патр Никифором I и, особенно, о строительстве в Константинополе), сами по себе свидетельствуют о большой роли городов в экономической и культурной жизни Византии VIII—IX вв.

Итак, приведенные данные показывают, что в VIII—IX вв., несмотря на наличие развитого ремесленного производства в городах, оно было еще тесно связано с сельским хозяйством. Жители деревни занимались ремеслом наряду со своими основными сельскохозяйственными работами. Характеризуя средневекового ремесленника, Ф. Энгельс писал, что „он сам еще до известной степени крестьянин, он имеет не только огород и сад, но очень часто клочок земли, одну-две коровы, свиней, домашних птиц и т. д.“⁶ Слова Энгельса, как это вытекает из собранных нами данных, вполне применимы и к Византии VIII—IX вв.

Из всех разнообразных отраслей ремесленного производства мы наилучшим образом осведомлены о ткачестве. Это, вероятно, не случайно, так как ткачество имело распространение и в деревне и в городе.

¹ I. Sölch. Ук. соч., стр. 282 сл. О том же в отношении Бруссы. — Там же, стр. 304.

² A. M. Schneider. The city-walls of Nicaea, „Antiquity“, XII, 1938, p. 438. Ср. A. M. Schneider. The city-walls of Istanbul, „Antiquity“, XI, 1937, p. 465.

³ Надпись находится на мраморной плите, вделанной в стену башни. Она неоднократно переиздавалась. См. Ф. И. Успенский. Две исторические надписи. I. Надпись на башне Артавазда, „Известия Рус. Археол. Ин-та в Константинополе“, III, 1898, стр. 180—183: „Где с божьей помощью (заботой) был посрамлен пыл врагов, там наши любящие Христа императоры Лев и Константин обновили ревностно город Никею, снова сделав ее указанием на это дело победительницей, воздвигнув башню стофутую, которую с трудом выполнил Артавазд всеславный патрикий и куропапат“. Разночтения см. также у I. Sölch (Ук. соч.), который, однако, не знает работы Ф. И. Успенского.

⁴ Theoph. Chronogr., p. 412, s. a. 6232. Сведения эти повторяют и другие хронисты (Никифор, Георгий Монах, Кедрин, Зонара). Однако последнюю фразу, кроме Феофана, мы находим у одного только Анастасия Библиотекаря.

⁵ A. M. Schneider. „Antiquity“, XII, 1938, p. 441.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 499.

В Византии, как и на Западе, „наряду с ткавшими для собственного потребления крестьянами... в городах возник новый класс ткачей, ткани которых были предназначены для всего туземного рынка, а по большей части и для иностранных рынков... Ткачеством занимались очень часто и вне рамок цеховой организации в деревнях и местечках“¹

Во всех городах (как в столице, так и в провинции) и в крупных поместьях церковной и светской знати, имелась широкая прослойка ремесленников и мелких торговцев, постоянно упоминающихся почти во всех современных литературных источниках (житиях святых, сочинениях Федора Студита, Никифора и т. п.).

Как и прежде, димоты в Константинополе играют видную роль в народных движениях. Они выступают в союзе со всеми эксплуатируемыми слоями византийского общества.²

Изредка в источниках встречаются сведения и об имевших место возмущениях ремесленников на почве задержки заработной платы. Однако эти сведения носят случайный и единичный характер. Так, например, в житии Германа — игумена одного из македонских монастырей (близ г. Қосиницы), написанном в начале X в., рассказывается, как рабочие-строители, закончив постройку здания и не получив обещанной платы (100 золотых χρῆσους), возмутились, схватили Германа, связали его и повели в Драму, где и добились уплаты денег.³

В Константинополе конца VIII в. димоты, по свидетельству Никифора, выступали в качестве соратников иконоборцев и павликиан, вместе с торговцами, ремесленниками, мимами, воинами.⁴ Однако, как и на Западе, в Византии „все крупные восстания средневековья исходили из деревни“⁵, а не из города.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 46.

² Предшествующие этапы борьбы димов и их политическая роль хорошо освещены в работах советских исследователей: А. П. Дьяконова (Византийские димы и факции в V—VII вв., Византийский сборн., 1945), Н. В. Пигулевской (Византия и Иран, М.—Л., 1946), М. В. Левченко (Венеты и прасины в V—VII вв. „Византийский Временник“, т. I, 1947). В этих работах дана оценка предшествующих русских и зарубежных исследований по этому вопросу (Ф. И. Успенского, С. Манойловича, И. Яннсенса, Г. Братиану и др.), М. В. Левченко доказал, что димы продолжали играть политическую роль еще и в конце VII в. при Юстиниане II.

³ X. М. Лопарев. Ук. соч., стр. 483.

⁴ Migne, PG, t. 100, col. 555. См. Е. Э. Липшиц. Никифор и его исторический труд, „Византийский Временник“, т. III, 1950, стр. 104.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 42.